УДК 316.323:316.34

Горлов А.В.,
старший преподаватель кафедры «Философия и история»
ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК»

ЭКСПЛУАТАЦИЯ И СОБСТВЕННОСТЬ В ПАТРИАРХАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Согласно господствующим представлениям, патриархальное общество является доклассовым. Однако анализ исторических фактов, проведённый автором статьи, говорит о наличии в этом обществе классовых отношений. Патриархальная эксплуатация человека человеком осуществляется в непосредственно общественной форме, а именно в форме власти.

Ключевые слова: патриархальное общество, классовая эксплуатация, собственность, переход от доклассового строя к классовому, власть.

Неправильное понимание эксплуатации и собственности ведёт исследователей патриархального общества к серьёзным ошибкам, в первую очередь – к представлению об отсутствии в этом обществе классовых отношений. Например, В.А. Шнирельман, характеризуя социальные структуры калифорнийских индейцев в период европейской колонизации Америки как предклассовые, тут же отмечает, что возглавлявшие эти структуры вожди «обычно освобождались от самостоятельной добычи пищи и кормились за счёт подношений общинников». Разумеется, кормились не как нищие, более того: для решения бытовых проблем имели под рукой ремесленников, которые в ряде случаев «занимались исключительно обслуживанием потребностей знати»[1]. И это «предклассовые структуры»!

О тех, кто описывает патриархальную жизнь в духе социального мира и гармонии, Шнирельман отзывается негативно: они «затемняют дело», «создают иллюзию»[2]. «На деле, – утверждает историк, – в процессе классообразования широкие

общественные интересы всё более отступали на второй план перед корыстными побуждениями правящей верхушки. <...> Общественный продукт, в той или иной форме поступавший к вождям, чем дальше, тем больше расходовался на содержание пышного двора, где представители знати наслаждались роскошью и обслуживались многочисленной челядью. <...> Главным источником доходов вождям служили их собственные обширные земли, обрабатываемые ... трудом общинников, всевозможные налоги и поборы, а также всё более усиливавшиеся со временем войны. Только в эту эпоху войны стали вестись специально ради грабежа, в первую очередь с целью захвата земли. Последнюю вожди либо присоединяли к своим владениям, либо раздавали приближённым. Не менее важной формой обогащения являлось и данничество, позволявшее одним этносам безвозмездно пользоваться плодами труда других. Все эти отношения свидетельствуют о возникновении ранних форм эксплуатации... <...> Возникшая в определённый момент пропасть между знатью и простыми общинниками всё более увеличивалась, что находило отражение, в частности, в формировании особой субкультуры, присущей представителям высшего слоя. И, наконец, в некоторых посёлках или протогородах в предклассовый период кварталы знати начали отгораживаться от остальной территории крепостными стенами, что говорило уже об определённом накале социальных противоречий между знатью и простыми общинниками»[3].

Крупная земельная собственность вождя и знати, пышный двор с многочисленной челядью, налоги, поборы, грабительские войны, данничество, социальная пропасть между знатью и общинниками — что это, если не классовый строй? Однако, по Шнирельману, такой строй — всего лишь предклассовый, всего лишь стадия разложения общинного строя, а по И.М. Дьяконову — даже не стадия разложения, а любая стадия первобытно-общинного строя[4]. Неужели только кровавая бойня в рамках того или иного общества может заставить историков увидеть антагонистические классы и их борьбу?!

Широко распространённое представление о патриархальной эпохе как о стадии разложения общинного строя не выдерживает серьёзной критики. Оно, справедливо отмечает В.И. Кузищин, «уязвимо как с конкретно-исторической, так и теоретической точки зрения, поскольку констатация довольно далеко зашедшего разложения родоплеменных отношений, социальной дифференциации и развития хозяйства, с одной стороны, создания государственности (пусть примитивной) и определённой системы культурных ценностей — с другой, плохо совмещается с условиями первобытных отношений»[5].

По мнению Кузищина, чтобы исправить господствующее в современной науке ущербное представление о патриархальной (раннеклассовой) эпохе, нужно признать, что она представляет собой не последнюю стадию общинного строя, а переходный период от общинного (доклассового) строя к общественному (классовому). В рамках этого периода историк выделяет две фазы: фазу зарождения классового строя в лоне доклассового и фазу начального развития уже родившегося классового строя.

Получилось очень плохо. Общество, переходное от доклассового к классовому, стоит у Кузищина враскорячку: одной ногой — в общинном строе, и в этом плане оно доклассовое, а другой — в общественном строе, и в этом плане оно классовое. В таком случае переходное общество можно характеризовать как раннеклассовое только тогда, когда оно проходит вторую фазу своего развития, а для первой фазы требуется иная характеристика (здесь напрашивается термин «позднее доклассовое»). Какой отсюда вывод? Во избежание путаницы нужно говорить не о едином переходном обществе, а о последней форме общинного (доклассового) строя и первой форме общественного (классового) строя. Введя понятие переходного общества, Кузищин хотел улучшить, модернизировать образ патриархального строя в современной науке, но вместо этого предложил ещё одно несуразное, путаное представление.

Для такого рода путаных представлений о патриархальном обществе, гуляющих

по страницам бесчисленного множества исторических трудов, В.П. Илюшечкин попытался создать солидный теоретический фундамент.

«В предклассовых обществах, — пишет он, — где ещё отсутствуют государственность и частная собственность на средства производства, но уже производится в какой-то мере прибавочный продукт, имеет лишь то или иное распространение присвоение старейшинами большесемейных, патронимических и сельских общин этого продукта, создаваемого общинниками. Большесемейная и патронимическая община у различных народов объединяла по нескольку поколений женатых и неженатых родственников под началом старейшины, который руководил её производственной деятельностью, распоряжался её страховыми, ритуальными и прочими фондами и представлял её интересы перед внешним миром. Взрослые члены общины обычно располагали своими земельными наделами и обязаны были помогать старейшине обрабатывать его поле и отдавать ему со своих наделов часть урожая, которая шла на пополнение общих фондов общины и могла в какой-то мере присваиваться старейшиной. В состав такой общины нередко входили и несвободные работники, располагавшие своими наделами и обязанные отрабатывать известное число дней на поле старейшины.

Таким образом, глава общины имел возможность присваивать в свою пользу прибавочный труд её членов в его натуральной или овеществлённой форме. Во многих случаях такое присвоение могло выходить за рамки обмена трудовой деятельностью и потому носить характер эксплуатации»[6].

Мы видим, что на вопрос «Была ли в патриархальной общине классовая эксплуатация?» Илюшечкин отвечает уклончиво: могла быть, а могла и не быть. «Патриархальная эксплуатация, — добавляет историк, — судя по всему, является наиболее архаической и зачаточной разновидностью эксплуатации человека человеком»[7].

Следует отметить, что патриархальную форму эксплуатации Илюшечкин одновременно характеризует как «наиболее архаическую» и «зачаточную», не видя в таком сочетании характерных свойств ничего странного. На самом же деле характеристика получилась не просто странной, а вызывающе странной, прямо-таки несуразной: если, будучи наиболее архаической, форма классовой эксплуатации, пусть и неразвитая, уже существует, имеется в наличии, то, будучи зачаточной, она ещё отсутствует, ибо в наличии имеются лишь её зачатки. Смешивая зародыш предмета с самим предметом и совершая тем самым типичную ошибку теоретиков, склонных к метафизике, Илюшечкин не только не выяснил, является ли патриархальная община классовой структурой или нет, но ещё и усилил теоретическую неразбериху в этой сфере научных исследований.

Между тем общественные связи старейшины-патриарха с членами его общины автор «Эксплуатации и собственности» описал довольно удачно. Нарисованная историком картина ясно говорит о том, что одну из главных особенностей патриархальной общины составляет возможность старейшины эксплуатировать остальных общинников. Благодаря обязанности последних регулярно отдавать первому определённую часть своего труда в непосредственной или овеществлённой форме такая возможность устойчиво воспроизводится и время от времени не может не переходить в действительность. Стало быть, говорить, что здесь имеет место лишь зачаточная эксплуатация человека человеком, голая возможность без соответствующей действительности, неправильно. *Старейшина-патриарх не только может эксплуатировать работников, но и действительно делает это.*

Однако автор «Эксплуатации и собственности» остерегается квалифицировать главу патриархальной общины как эксплуататора. Историка смущает расплывчатость экономической маски старейшины-патриарха в процессе общественного производства, нечёткий характер его эксплуататорской деятельности: вот старейшина предстаёт перед взором исследователя как член общины, работник умственного труда, организатор общей деятельности, а вот он же ведёт себя как явный эксплуататор, противо-

стоящий общине, сосущий из неё кровь для удовлетворения своих прихотей, извращённых потребностей собственника. И тем не менее всякий глава патриархальной общины — самый настоящий эксплуататор, и если на уровне базиса, в сфере материального производства, его эксплуататорская сущность проявляет себя смутно, расплывчато, то на уровне надстройки, в сфере духа, — ярко и чётко, ибо главная задача любого патриарха — неусыпно следить за строгим соблюдением патриархальных устоев, т.е. тех обычаев, которые обеспечивают ему возможность эксплуатировать других общинников.

Итак, *в патриархальной общине налицо, с одной стороны, эксплуататор, с другой — эксплуатируемые, причём это деление на стороны-антагонисты имеет устойчивый характер, т.е. представляет собой определённую (исходную) форму эксплуатации человека человеком*. Что это, как не классовая структура? Могут возразить: социальные классы — большие группы людей, а здесь всего лишь община, маленький коллектив. Но, рассматривая всю совокупность таких общин, т.е. раннее общество в целом, мы получаем самые настоящие антагонистические классы, правда, выражаясь языком Гегеля, классы в себе, в их наиболее простом, неразвитом виде: с одной стороны, класс патриархальных старейшин (деспотов), с другой — класс патриархальных общинников.

Илюшечкин не видит классового характера эксплуатации человека человеком в патриархальной общине. С его точки зрения, для классовой эксплуатации необходимо, чтобы общественные средства производства находились в руках частного собственника. Старейшина-патриарх таковым не является, следовательно, заключает историк, классовой эксплуатации нет. В результате патриархальная эксплуатация приобретает нелепый вид: патриарх эксплуатирует общинников, но эксплуататором не является. Дескать, чужой труд он присваивает мило, по-домашнему, как свой, родной человек, поэтому обижаться на него некому и не за что.

Ещё более эфемерный характер приобретает патриархальная эксплуатация в поздних трудах И.М. Дьяконова. Хотя в патриархальной общине, пишет он, «есть известный привилегированный социальный слой, в ней нет эксплуатируемого производящего класса, который противостоял бы господствующему непроизводящему классу. Сельскохозяйственное (включая скотоводческое) производство, так же как и ремесло, осуществляется всей массой носящего оружие населения»[8]. В общем, все — сверху донизу — дружно производят средства личного и общественного существования, но при этом почему-то у одних (у меньшинства) есть привилегии, а у других (у большинства) — нет.

«...Никто не согласится по доброй воле на уступку лишней доли в общественном продукте кому-то другому», — считает Дьяконов[9], но в патриархальные времена общинники именно по доброй воле отдают часть своего труда старейшине-патриарху. Дело в том, что *глава патриархальной общины играет роль главного владельца общественной собственности, а остальные общинники являются зависящими от него совладельцами*. При патриархальном строе, отмечает К. Маркс, собственность личности есть «лишь владение этого лица» в рамках общины[10].

Старейшина-патриарх — общественный, а не частный собственник, но означает ли общественный характер патриархальной собственности, что патриарха нельзя рассматривать в качестве эксплуататора, представителя угнетающего класса? Отнюдь. *Специфика классовой эксплуатации со стороны патриарха* как раз и *состоит в том, что его эксплуататорская деятельность имеет непосредственно общественный характер*.

В непосредственно общественном характере патриархальной эксплуатации — секрет её живучести, неуничтожимости при любых происходящих в обществе социальных катаклизмах и секрет отрицания исследователями её классовой сущности. Илюшечкин и другие историки считают непосредственно общественные отношения доклассовыми, первобытно-общинными. По их мнению, патриархальная община — такой же доклассовый коллектив, как и родовая: дескать, и тут и там — общи-

на, и тут и там — непосредственно общественные связи. Однако *патриархальная община, несмотря на слово «община», на самом деле общиной не является. Это — раннее общество, классовый коллектив*. Общественная, классовая сущность патриархальных (квазиобщинных) отношений весьма красноречиво заявляет о себе, когда на базе объединения нескольких патриархальных общин возникает деспотическое государство.

Но даже патриархальное государство, по мнению Илюшечкина, является доклассовым. В монографии «Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах» об этом вскользь, мимоходом, как о чём-то хорошо известном и общепринятом, сказано уже в начале первой главы, а позже, в шестой главе, тема патриархального государства освещена специально и подробно — там, где Илюшечкин говорит о путях возникновения классового строя.

Отметим, что, по Энгельсу, их два. Классы и отношения господства — подчинения, утверждает классик марксизма со страниц «Анти-Дюринга», «возникли двояким путём»: через осуществление организаторской деятельности и через порабощение военнопленных. Первый путь ведёт к деспотизму (азиатскому способу производства), второй — к рабовладению (античному способу производства)[11].

В эту нарисованную Энгельсом картину следует внести поправки. Во-первых, исходная форма классовой эксплуатации может быть только деспотической (патриархальной), ибо невозможно представить себе более простую эксплуатацию человека человеком, чем та, которая берёт общинные отношения и приспосабливает их для общественных (классовых) нужд. Стало быть, *путь к классовому строю не двоякий, а только один: от родовой общины к патриархальной*.

Во-вторых, *рабовладение может появиться только после деспотизма*, так как оно представляет собой новую, более развитую, усложнённую форму эксплуатации. В самом деле, эксплуатировать кого-то на «родственных», квазиобщинных началах, как это делает деспот, гораздо проще, чем выступать в роли рабовладельца, т.е. собственника рабов — людей, у которых собственность начисто отсутствует, причём её отсутствие прямо или косвенно вызвано деятельностью рабовладельца. Вот почему утверждение автора «Анти-Дюринга» о возникновении рабства *наряду* с деспотизмом следует признать некорректным.

Эта некорректность Энгельса хорошо видна на фоне формационной схемы из работы Маркса «К критике политической экономии» (1859 г.). Здесь азиатский (деспотический), античный (рабовладельческий), феодальный и буржуазный способы производства представлены как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[12], узловые точки на единой линии общественного развития. Таким образом, согласно данной схеме, первая классовая структура — деспотизм и только деспотизм, а рабовладение всегда возникает позже — как вторая, более прогрессивная, чем деспотизм, классовая структура.

На фоне другой, более ранней формационной схемы — из «Манифеста коммунистической партии» (1848 г.), — где азиатский (деспотический) способ производства отсутствует, оплошность Энгельса почти незаметна, однако, какую бы формационную схему классиков марксизма мы ни взяли, идея о двояком пути классообразования не впишется в неё, ибо расщепляет единый путь формационного развития на два, что противоречит марксистской теории формаций. Последняя на своём высшем, наиболее абстрактном уровне требует фиксировать только существенные моменты социального развития, а любое развитие в его существенных моментах есть не что иное, как однолинейный процесс.

В «Манифесте коммунистической партии» азиатский способ производства отсутствует, в «К критике политической экономии» он есть. Формационная схема поплыла, следовало устранить возникшую неопределённость, но классики марксизма не сделали этого — просто не успели. Однако, при всех своих колебаниях в теоретической сфере, К. Маркс никогда не подвергал сомнению лежащий в основе формационного подхода к истории принцип тождества социального развития. Согласно этому принципу, нормальное соци-

альное развитие, где бы и когда бы оно ни проходило, есть один и тот же строго последовательный, ступень за ступенью, подъём по формационной лестнице. В справедливости данного принципа вряд ли сомневался и Энгельс, а его заявление о двояком пути классообразования, допускающее вариативность формационного развития, — скорее всего, нечаянная оплошность, плод теоретической небрежности, не более того.

Многие историки-марксисты считают иначе, и В.П. Илюшечкин — в их числе. По его мнению, недостаток энгельсовского анализа возникновения классов состоит не в отступлении от принципа тождества формационного развития любых социальных групп, а как раз наоборот — в недостаточно смелом отступлении от этого принципа. В результате автор «Эксплуатации и собственности» выделил не два, как Энгельс, а три варианта возникновения классового строя, усугубив тем самым нечаянную ошибку автора «Анти-Дюринга»: «В одних случаях, как принято считать, сначала зарождается крупная частная собственность, частнособственническая эксплуатация, классовое расслоение, а вслед за ними складывается и государство как продукт непримиримости классовых противоречий. В других случаях крупная частная собственность на землю, частнособственническая эксплуатация, первые общественные классы и государство возникают более или менее одновременно, обычно на основе покорения и закрепощения одного народа другим. Типичный пример — Спарта. В третьих случаях появлению крупной частной собственности на средства производства, частнособственнической эксплуатации и расколу общества на антагонистические классы предшествует возникновение сословного государства. Типичными примерами могут послужить шанско-иньское (XIV—XI вв. до н.э.) и чжоуское (XI—VII вв. до н.э.) государства в Китае, государства инков и ацтеков в доколумбовой Америке и ряд государств Тропической Африки. В этих государствах ещё отсутствовали общественные классы и система частнособственнической эксплуатации, поскольку там ещё не сложилась крупная частная собственность на землю, которая находилась в собственности общин. Однако там общество уже делилось на массу эксплуатируемых общинников и на стоявшую у власти тонкую эксплуататорскую прослойку родовой знати. Отчуждение этой прослойкой прибавочного продукта и прибавочного труда общинников производилось в форме освящённых традицией полудобровольных отработок и приношений (патриархальная эксплуатация), а также в форме присвоения части налогов (дани) и трудовых повинностей, включавших обработку специальных общинных полей, урожай с которых шёл на государственные нужды и на содержание знати»[13].

Итак, согласно Илюшечкину, история знает не один, не два, а целых три пути возникновения общественных классов. Увы, из этих путей лишь один (первый) походит на правду, остальные весьма сомнительны. В самом деле, в глазах любого грамотного теоретика более или менее одновременное появление где бы то ни было, в том числе и в Спарте, эксплуатации, собственности, классов и государства (второй путь) скорее чудо, чем реальность. Что касается третьего пути, то и его реальность вызывает большие сомнения. В наше постсоветское время возможность построения государства без эксплуатации человека человеком и классового неравенства безоговорочно признают только очень наивные люди.

Однако количество путей классообразования — не самое интересное в илюшечкинском анализе разложения общинного строя. В отличие от автора «Анти-Дюринга», автор «Эксплуатации и собственности» настаивает на том, что антагонистические классы возникают лишь там, где есть частная собственность.

Посмотрим, как освещает эту тему Ф. Энгельс. «Нам нет надобности, — пишет он, — выяснять здесь, каким образом ... возраставшая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу могла со временем вырасти в господство над обществом; каким образом первоначальный слуга общества, при благоприятных условиях, постепенно превращался в господина над ним; каким образом господин этот выступал, смотря

по обстоятельствам, то как восточный деспот или сатрап, то как греческий родовой вождь, то как кельтский глава клана и т.д.; в какой мере он при этом превращении применял ... насилие и каким образом, наконец, отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс. Нам важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло. Сколько ни было в Персии и Индии деспотий, ... каждая из них знала очень хорошо, что она прежде всего — совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было какое бы то ни было земледелие»[14].

В этой цитате нет даже намёка на то, что для возникновения общественных классов требуется частная собственность — именно частная, а не собственность вообще, собственность как таковая. Напротив, по Энгельсу, классовую структуру создаёт не кучка богатых частников, а общество в целом, и происходит это в ходе стихийного закрепления за отдельными его членами тех или иных общественных функций, или, другими словами, в процессе появления собственности в её наиболее простой форме, имеющей непосредственно общественный характер, — в форме *власти*.

Кто такой деспот? На уровне базиса это человек, который эксплуатирует других людей как *владелец*, т.е. организатор общественной деятельности, на уровне надстройки — полномочный представитель власти, общественной собственности.

«...В большинстве основных *азиатских* форм, — пишет про это Маркс, — *объединяющее единое начало*, стоящее над ... мелкими общинами, выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные* владельцы. Так как это *единое начало* является действительным собственником и действительной предпосылкой общей собственности, то само оно может представляться чем-то *особым*, стоящим выше этого множества действительных отдельных общин, в которых каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности, или ... собственность, как находимое им в виде неорганической природы тело его субъективности, представляется для него опосредствованной тем, что объединяющее единое начало, реализованное в деспоте как отце этого множества общин, предоставляет надел земли отдельному человеку через посредство той общины, к которой он принадлежит. Прибавочный продукт ... принадлежит поэтому, само собой разумеется, этому высшему единому началу»[15].

Итак, деспот есть особая личность, которая присваивает прибавочный продукт всего общества, т.е. выступает как собственник этого продукта, но собственник не частный, а единичный, или *владыка*, причём его единичность имеет непосредственно общественный характер, ибо является прямым следствием его уникальной общественной функции — функции объединяющего высшего начала, верховного организатора совместной деятельности находящихся в его подчинении общин. Только благодаря этой своей функции деспот имеет возможность единолично распределять прибавочный продукт патриархального общества, или, другими словами, эксплуатировать общинников, властвовать над ними.

С тем, что власть есть собственность, согласны далеко не все. Более того, до сих пор господствует другая точка зрения. Тесное, кровное родство власти и собственности обычно отрицают, и потому всякую связь между ними рассматривают как необязательную, непрочную, случайную.

Известный востоковед Л.С. Васильев вроде бы возражает против этой точки зрения. «Власть и собственность неразделимы, нерасчленимы», — утверждает он в своём двухтомнике «История Востока»[16]. Однако приведённые слова не следует понимать абстрактно, в предельно общем смысле, ибо, согласно Васильеву, нераздельность власти и собственности — характерная черта лишь неевропейского общества. Для этой характерной черты автор «Истории Востока» ввёл даже новый термин — «власть-собственность».

Новый термин Васильева нельзя признать удачным не только из-за его громоздкости, но и по другой, гораздо более серьёзной причине: он явно подразумевает, что власть может и не быть собственностью, что совершенно неверно. Это неверно даже с точки зрения самого автора «Истории Востока».

«Появление феномена власти-собственности было важным моментом на пути институализации общества и государства в неевропейском мире, — пишет Васильев. — Практически это означало, что прежняя свободная община теряла свои исключительные права владения её угодьями и продуктом. Теперь она вынуждена была делить эти права с теми, кто в силу причастности к власти мог претендовать на долю её имущества, начиная от регионального вождя-администратора ... и кончая общинным главой, всё более превращавшимся в чиновника аппарата администрации. Иными словами, возникал и надолго закреплялся хорошо знакомый специалистам феномен перекрывающих друг друга владельческих прав: одна и та же земля (а точнее, право на продукт с неё) принадлежит и обрабатывающему её крестьянину, и общине в целом, от лица которой выступает распределяющий угодья старейшина, и региональному администратору, и верховному собственнику»[17].

Юридический язык, которым пользуется историк, описывая владение землёй в деспотическом обществе, недвусмысленно указывает на то, что речь идёт о распределении собственности. Нет, заявляет Васильев, речь здесь в основном не о собственности, а о власти: «Власть-собственность — это ... альтернатива европейской античной, феодальной и буржуазной частной собственности в неевропейских структурах, причём это не столько собственность, сколько власть, так как функции собственника здесь опосредованы причастностью к власти, т.е. к должности, но не к личности правителя»[18].

Во-первых, отметим, что «власть-собственность» в том виде, в каком её чуть выше, в предыдущей цитате, изобразил Васильев, вовсе не альтернатива европейской феодальной частной собственности. Напротив, говоря о «перекрывающих друг друга владельческих правах», российский историк чуть ли не дословно воспроизводит описание «сейзины» французским медиевистом М. Блоком[19], а, как убедительно показал последний, причём на европейском материале, «сейзина» — типично феодальная форма собственности. Отмеченная нами оплошность Васильева свидетельствует о серьёзных изъянах в его представлениях об исторических формах собственности. Уж если выставлять деспотическую собственность как альтернативу и античной, и феодальной, и буржуазной собственности, то следует делать это на языке чистой нравственности, без примеси категорий правоведения, ибо при деспотизме общественные отношения регулируются не юридическими нормами (их ещё нет), а нормами нравственности.

Во-вторых, серьёзные возражения вызывает утверждение Васильева о том, что в рамках деспотического строя функции собственника «опосредованы причастностью к власти, т.е. к должности, но не к личности правителя». То есть как это «не к личности правителя»?! Что же получается — при деспотизме личные качества не оказывают прямого влияния на доступ человека к той или иной собственности? Неужели талантливость или бездарность деспота непосредственно не отражается на его функциях собственника? Тогда это не деспотия, а рай для ленивых управленцев.

Нет здесь никакого управленческого рая, уточняет Васильев, речь совсем о другом: «По наследству в этих структурах может быть передана должность с её правами и прерогативами, включая и высшую собственность, но не собственность как исключительное частное право владения вне зависимости от должности»[20].

Так вот о чём речь: об отношении власти к частной собственности, а не к собственности как таковой! Васильев пишет об этом очень небрежно, то и дело путая владение и власть, собственность вообще и частную собственность, а в результате сбивает с толку и себя, и читателя.

«...Высшая собственность правителя-символа, олицетворяющего коллектив, — утверждает автор «Истории Востока»,

— производна от реального владения достоянием коллектива и безусловного права распоряжаться его ресурсами и имуществом...»[21] В этих словах историка истина смешана с ложью, ибо собственность деспота действительно производна от владения, но от владения производно и право. Читаем дальше: «...причём и то и другое в конечном счёте производно от власти»[22]. А здесь уже истины нет, осталась только ложь: поскольку власть, во-первых, исходная форма собственности, а во-вторых — форма владения, получаем, что, согласно Васильеву, и собственность, и владение производны от своей формы, т.е. форма предмета (явления) первична по отношению к предмету (явлению)!

«Власть (владение) рождает понятие и представление о собственности, — продолжает с такой же, если не большей, теоретической небрежностью, какую мы уже наблюдали, автор «Истории Востока», — собственность рождается как функция владения и власти»[23]. Если Васильев говорит о владении, а не о власти, то всё правильно. Но если говорит о власти, а не о владении, то получается нелепо: собственность рождается как функция своей формы. Правда, если, говоря о власти, историк имеет в виду не собственность вообще, а частную собственность, получается не только правильно, но ещё и глубоко: частная собственность рождается из общественной или из власти как одна из функций последней.

С нашей точки зрения, автор «Истории Востока» пытается донести до читателя именно эту чрезвычайно важную теоретическую мысль: то, что власть (общественная собственность) порождает свою противоположность — частную собственность. Увы, Васильев-теоретик гораздо хуже Васильева-историка. Читая небрежные, а местами просто неряшливые и даже нелепые рассуждения историка-востоковеда о понятии «власти-собственности», легко свести содержание этого понятия к тому, что существует-де уникальный феномен, характерный только для неевропейского мира, — феномен единства власти и собственности, — выступающий как непреодолимая преграда для слияния западной и восточной цивилизаций. Такая трактовка «власти-собственности», весьма популярная в современной социологии, вполне правомерна, ибо и сам Л.С. Васильев, выступая как теоретик, предлагает именно её, однако по прочтении «Истории Востока» нельзя не прийти к выводу, что автор этой книги вкладывает в понятие «власти-собственности» более глубокое содержание, чем то, которое диктует его примитивная теоретическая схема.

Крито-микенские греки, отмечает, в частности, историк, «жили примерно по тем же стандартам», что и древневосточные общества, т.е. по стандартам «власти-собственности»[24]. Стало быть, вопреки теоретической схеме Васильева эти стандарты вряд ли стоит рассматривать как неевропейские и, более того, логично предположить, что они характеризуют любое раннее общество, в какой бы части света оно ни находилось. Под напором исторических фактов Европа не может не утратить мистический ореол региона, несовместимого с диктатом «власти-собственности», а выражаясь проще и точнее — деспотической (патриархальной) власти.

Теперь подведём итоги нашего исследования характерных особенностей патриархального общества. Нам удалось выяснить, что, во-первых, это общество представляет собой классовую структуру, пусть и в её простейшем, совершенно неразвитом виде, и что, во-вторых, господствующая форма эксплуатации в этом обществе — собственность в её наиболее простой форме, а именно в форме власти.

---

[1] История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 53.

[2] Там же. С. 122.

[3] Там же. С. 122—124.

[4] Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М., 2007. С. 23.

[5] Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990. С. 32.

[6] Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990. С. 12—13.

[7] Там же. С. 13.

[8] Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М., 2007. С. 24.
[9] История древнего мира. М., 1989. С. 39.
[10] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. М., 1968. С. 270.
[11] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. М., 1978. С. 139–141.
[12] Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1. М., 1983. С. 536.
[13] Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990. С. 158–159.
[14] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. М., 1978. С. 139–140.
[15] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. М., 1968. С. 268–269.
[16] Васильев Л.С. История Востока: В 2-х т. Т. 1. М., 1993. С. 69.
[17] Там же. С. 69–70.
[18] Там же. С. 69.
[19] Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 177.
[20] Васильев Л.С. История Востока: В 2-х т. Т. 1. М., 1993. С. 69.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Там же. С. 140–141.

Gorlov A.V., e-mail: strix63@yandex.ru
Senior lecturer of the department "Philosophy and History" of FSBEE HPE "State University – ESIC"

EXPLOITATION AND PROPERTY IN A PATRIARCHAL SOCIETY

According to prevailing notions, patriarchal society is pre-class. However, analysis of historical facts, conducted by the author, indicates the presence of class relations in this society. The patriarchal exploitation of a man by a man is executed directly in the public form, namely in the form of power.

Key words: patriarchal society, class exploitation, the property, the transition from pre-class structure to class, power.